

Геннадий Сотников:

«Встреча с этим театром счастливая...»

Когда большой художник уходит из жизни, все, что им сделано, все, что сказано, обретает новый, истинный смысл. Санкт-Петербургская академия театрального искусства, в которой много лет проработал профессор Сотников, готовит к изданию книгу о его жизни и творчестве, отдельным разделом в нее войдет работа художника в Саха театре.

Самое первое интервью, фрагмент которого предлагается читателю, Геннадий Сотников дал в 1986 году сразу после первых гастролей в Москве. Тогда было поставлено только три спектакля крупной эпической формы, и не было еще в театре лауреатов славы, но слова, сказанные Геннадием Петровичем почти четверть века назад, впечатались в сознание и драгоценны не только как память, но и как заветы театру.

«Желанный голубой берег мой...» (1982)

Геннадий Сотников встретился с Андреем Борисовым в Москве, когда тот учился у Гончарова. На Трубной была такая живописная трущоба, где жили дворники-режиссеры. Вот там они и познакомились. Там же он взял у него текст «Пятого пса». Сначала не знал, как к нему подойти, он позвонил ему годным только для балетного либретто. С большим трудом Андрей его уговорил. (...) Нельзя говорить о сценотграфии, пока это только картинка. Сцено-

удовольствием, мы говорим сразу о нескольких постановках. Один спектакль ставится, другой намечается, третий где-то там маячит, четвертый в мечтах, в миражах. По мере приближения к воплощению они в разной степени готовности для нас. Мы говорим подробно, но это не сопровождается ни эскизами, ни макетами, это сплошь и ра-

В поисках вдохновения.

интересен, этим стыком конкретного и абстрактного, ведь что может быть конкретнее этого загона, а люди видят бесконечное пространство, вечность...

«Ханидуо и Халерхаа» (1985)

Работа над этим спектаклем шла какими-то параллельными ходами. Инсценировка писалась, уже когда постановочная группа работала буквально в тех местах, где происходит действие романа, на Колыме, на Алазее, в поселке Андрюшино у оленеводов. Видели они там и северные сияния, и собак, и кладбища старые – якутские могилы, чукотские могилы и якутские могилы... (...) Они много привезли отсюда для декораций. Ведь в спектакле были использованы подлинные вещи: костюмы, предметы быта. (...) Трудно, конечно, было перевести эту реальность на театральные языки, не утратив конкретности. Вернувшись из тундры, Сотников быстро сделал макет, потому что вундерленне все были уже подготовлены. Осушествлен он был в материале без него. Он приехал из Ленинграда к выпуску спектакля, и тут уже все, как говорится, было путем...

О своем восхищении коллективом Саха театра он мог рассказывать часами. «Тут пренебрегают внешними обстоятельствами субординации и прочих престижных дел, – говорил он. Реверан-

ей тогда только, когда она начина-
ет работать конкретно во време-
ни и пространстве. Картинка нечто
единовременное, а сценография —
это явление, которое развивается
са во времени и пространстве, то
задерживая время, то как-то его
подгоняя. Тут много сложных тон-
костей. Потому Геннадий Сотни-
ков и утверждал, что он художник
этого спектакля, а сценограф его
— Андрей. «Я дал ему эти две тряп-
ки (занавесы-волны), но я дал их в
самой общей форме. Я знал, что
они нужны, что из них можно что-
то сделать. Я подготовил плац-
дары, а вот как он их провел, как
он их использовал, это только от
него зависело. Мы все обговари-
ли, я сделал ему макет, дальше он
работал без меня. (...)»

Я спросила: «Как вы с Борисо-
вым работаете, живя в разных го-
родах? Вы присылаете стелу
эскизов, здесь их «воплощают», и
все получается?»

«Не совсем так! — ответил он.
— Как только приезжаю в Якутск,
а езжу сюда довольно часто и с

дом чернушки какие-то, потом, ко-
нечно, что-то получается».

Мы продолжили бесеждать о
сценографии. Геннадий Сотников
поведал: «Как сценограф я высту-
паю в строгих, малообразователь-
ных формах, но, так как я худож-
ник, страстный фигуративист, мои
рациональные решения подготав-
лены конкретным запасом впечат-
лений, которые я осуществляю в
своих работах. Но... профессионал
сценограф и все время работаю
в театре... Лет пять назад декора-
ция пришла в тупик. Она пришла к
пустой сцене, а я всегда за деко-
рацию конкретную, потому что для
меня пустая сцене не итог, а ско-
рее начало. Конечно, можно и на
пустой сцене, конечно, можно! Но
тогда и спектакль должен быть со-
ответствующий, а когда мне игра-
ют и Брехта, и Чехова, и Шекспи-

ра, и Вампилова на пустой сцене,
ну мне там делать нечего. Мне не
интересно. Поэтому моя театраль-
ная судьба достаточно драматично
складывалась, и у меня есть ско-
рее репутация, чем популярность.
Сотников вместе с Борисо-
вым поставил в Саха театре нема-
ло спектаклей. И у него был свой
взгляд на совладение творческих
линий с другим. Вот что он тогда
сказал об этом: «Я не люблю гово-
рить об искусстве вообще, и Бори-
сов это ненавидит, я люблю отве-
ственные решения, предельные, и
Борисов любит работать на преде-
ле. Борисов — сибиряк, и я поло-
жу руку на сердце, хотя коренной
ленинградец, — тоже сибиряк. Де-
ло в том, что я с 1962 года связан с
Сибирью. После института три го-
да работал в Иркутске, год в Бар-
науле, работал в Петропавловске-

«Желанный голубой берет мой». В спектакле легендарный первый состав.

Камчатском и с тех пор почти еже-
годно бываю в Сибире. И я бы ни-
когда не взялся за этот спектакль,
если бы не конкретный интерес к
Якутии. Еще не к якутскому театру,
а к Якутии вообще. Ну, потом все
как-то сошлось. Помню, Андрей
приезжал ко мне в Ленинград под
Новый год. Он много тогда раска-
зывал об Ойуноском. Еще не готов
был наш спектакль («Желанный го-
лубой берет мой...»), а он уже го-
ворил об Ойуноском, о его поэ-
зии в обычной своей сумбурной,
но с удивительной манерой... Мы
с ним как-то по-человечески под-
ружились. (...) Я подкину какую-то
деталь и останавливаю, а он сразу
подхватывает, развивает ее це-
пически. С таким уровнем фан-
тазии мне как-то не приходилось
раньше встречаться. Это здорово!
Борисов — человек склада
модернистского».

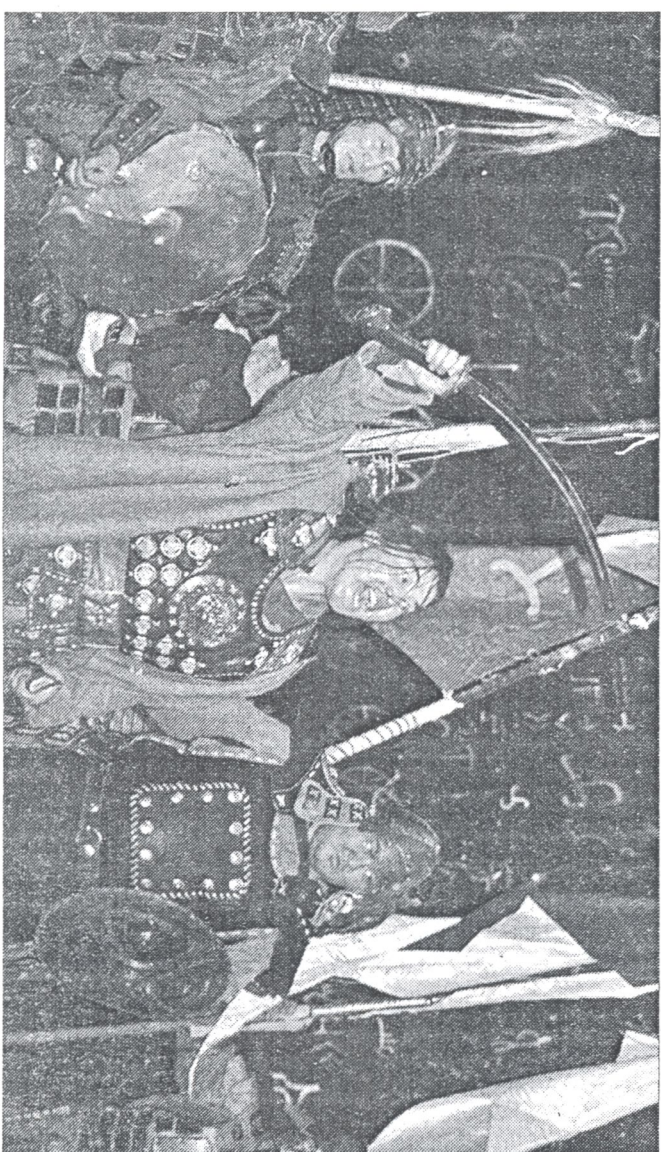
«Мной оставленные песни» (1983)

Этот спектакль был посвящен
90-летию великого сына якутско-
го народа. Сценографическое ре-
шение родилось после того, как
Геннадий Петрович прочитал не-
сколько строчек самого Ойуноско-
го — объявление в местной га-
зете после разгрома Пелеяне-
ва. Он призывает местных жител-
ей помочь красным бойцам. По-
мыслить, постараться, накормить и по-
белить казармы... Вот и все, вот и
все решение. Мотив беленого де-
рева он видел по всей Восточной
Сибири — от Иркутска до Якутска.
(...) Одни увидели в этой сцено-
графии космос, другие — торь-
му. Он думал, эти противополож-
ности сходятся потому, что Поэт
— это образ человека, свободно-
сильность надо подчеркивать и в
своем толковании использовать
эту двойственность. Этим театр и

что-то держит их в творческом на-
пряжении. (...) Актеры во все вхо-
дят, все понимают. Здесь нет то-
го, что часто бывает в других те-
атрах, — какую-нибудь примадон-
ну не убедить, что «вы должны
носить синее, а не красное» или
носить низкие каблуки, а не вы-
сокие, ей хоть кол на голове те-
ши, она говорит о том, что ей это
не идет. Здесь такого невозможно,
но даже представить себе. На-
сколько все единой волей жи-
вут! Я уже 25 лет работаю по те-
атрам. Видел всякие. От Таллина
до Петропавловска-Камчатского.
И в Ленинграде, и в Москве рабо-
тал, но вот такого театра я не ви-
дел, понимаю?»

...Раньше я вообще мало думал
о специфике национальных теа-
тров. Впервые я серьезно стол-
кнулся с этим здесь, в Якутске. Но,
думая об этом, я все-таки рабо-
таю так же, какие и в русском теа-
тре, как в Москве, как в Ленингра-
де. Фигурально выражаясь, я не
пытаюсь говорить по-якутски. (...)
Другое дело, что, работая здесь,
я естественным образом исполь-
зую те мотивы, которые в Якутии
наличествуют. Никакого спецазы-
ка я не вырабатываю. Важно, что
меня здесь понимают и мне инте-
ресен Саха театр, его специфика,
его история, его генезис... Этим
я обязан Ефиму Степанову, кото-
рый во многом просветил меня по
части истории театра, объяснил
мне генеалогию актерскую. Кто
чей сын, кто чей брат да сват... А
рассказы о стариках-гигантах, та-
ких как Дмитрий Ходулов, Лазарь
Сергучев, Иоаким Избеков, — это
очень интересно. Это мне помо-
гает и придает всему какой-то жи-
вой человеческий тон. (...) Я убеж-
ден, что к театру не надо подхо-
дить с точки зрения националь-
но или не национально, надо под-
ходить с общечеловеческой точки
зрения. Для меня встреча с этим
театром счастливая прежде всего
потому, что меня здесь понимают
как театрального художника в пол-
ной мере».

Валентина ЧУСОВСКАЯ.

Сцена спектакля «По указу Чингисхана».